

Многоязычие как константа языкового сознания Л. П. Карсавина. О переводе трактата Л. П. Карсавина «О совершенстве»

Асия Ковтун

Аннотация Многоязычие – явление многоплановое, требующее комплексного подхода и изучения с различных позиций. В условиях глобализации исследование многоязычия имеет научную значимость, выходящую далеко за пределы структурного взаимодействия и функционального расслоения языков. Под многоязычием понимается владение несколькими языками и регулярное переключение с одного на другой в зависимости от ситуации. Лексическую и синтаксическую интерференцию в трактате Л. П. Карсавина «О совершенстве» на литовском языке и его переводе на русский язык необходимо рассматривать как фасилитацию – подтип интерференции, в результате которой высказывание строится по модели первого языка без нарушения нормы вторичного языка. Вопрос о том, в какой степени были уравновешены два языка – русский и литовский – в языковом сознании Карсавина, может оставаться открытым, несмотря на то, что мыслитель владел этими и несколькими другими языками одинаково свободно. Однако первоначально Карсавин реализовался как русский философ и религиозный мыслитель, и лишь после приезда в Литву в его творчестве открылся новый этап, связанный с освоением литературного литовского языка.

Философский трактат «О совершенстве» и его перевод с литовского на русский язык является научным и практическим подтверждением современных теоретических исследований в области многоязычия.

Ключевые слова: многоязычие; перевод; интерференция; язык; языковое сознание.

Введение

Многоязычие, как и билингвизм, – явление, представляющее большой интерес с точки зрения разных наук: лингвистики, философии, психологии, социологии, физиологии и др. Вместе с тем длительное время внимание исследователей было обращено на так называемое коллективное двуязычие (владение вторым языком после родного и распространение его в коллективе), в то время как проблеме описания языковых ситуаций индивидуального двуязычия и многоязычия как явлению редкому и уникальному отводилась второстепенная роль. Можно предположить, что в современном мире, в условиях глобализации исследование многоязычия имеет научную значимость, выходящую далеко за пределы структурного взаимодействия и функционального расслоения языков. Многоязычие – явление многоплановое и требует комплексного подхода и изучения с различных позиций, в том числе в аспекте перевода. Вопрос еще более усложняется, если обратиться к проблеме автоперевода в использовании языка применительно к конкретным лингвокультурям, в данном случае, русской и литовской. Исследование многоязычия позволяет не только обратиться к рассмотрению малоизученной проблемы в индивидуально-личностном аспекте, но и рассмотреть этот вопрос в связи с функционированием национального языка в культуре. В лингвистической науке все еще существует точка зрения, что мыследеятельность отражается наиболее полно и адекватно лишь на родном или первичном языке автора.

Актуальность статьи, посвященной изучению многоязычия как результата речевой деятельности мысли-

теля, творчество которого протекает на первичном и вторичных языках, очевидна. Исследование связано со специфическими закономерностями организации текста «философский трактат» в русской и литовской языковых культурах.

Цель статьи – сопряжение трактата Карсавина «О совершенстве» с проблемой многоязычия как константой сознания автора. Для лингвистического сознания многоязычного автора характерна многоплановость и многослойность, связанная с проблемой языковой картины мира

Метод исследования – структурно-сопоставительный анализ, позволяющий выявить вопросы языковой интерференции высшего уровня (фасилитации) в трактате Карсавина, особенности автоперевода и обратного перевода с литовского на русский язык.

Объект исследования данной статьи – перевод с литовского на русский язык трактата «О совершенстве» русского религиозного философа Л. П. Карсавина может показаться парадоксальным. Однако процессы, происходившие в мировом культурном пространстве в прошлом веке, приводят к мысли о сопротивлении любого словесного произведения, в том числе и перевода, попыткам заключить его в тесные рамки теории. В межкультурном диалоге перевод как один из видов коммуникативной деятельности занимает важное положение. Культурное значение перевода не сводится только к лингвистической парадигме проблем. В современном мире перевод не может восприниматься как вспомогательный инструмент, функция или средство. Даже как повседневная практическая задача он выдвигает множество теоретических вопросов. При попыт-

ках определить значение перевода в национальной культурной истории возникает ощущение его неподчинения определениям и схемам.

Многоязычие как высший уровень языкового сознания

В настоящем исследовании мы рассматриваем многоязычие как одну из высших степеней развития языкового сознания. Под многоязычием понимается владение несколькими языками и регулярное переключение с одного на другой в зависимости от ситуации. Обращение к различным языкам при создании текста требует от многоязычного автора глубоких знаний не только языка, на котором происходит творчество, но и культурных традиций соответствующей страны. Согласно классификации двуязычия, разработанной Л. В. Щербой (Щерба 1974: с313–319), билингвы, для которых характерен чистый тип двуязычия, в определенной степени монолингвистичны, т. е. способны пользоваться только одним языком в конкретной ситуации. Трудно согласиться с подобным тезисом при анализе индивидуального многоязычия в конкретной культурно-исторической ситуации. Возможно допустить, что Карсавин в определенном смысле был монолингвом, если его творчество разделить на несколько периодов, каждому из которых соответствует один из языков, употребляемых философом в конкретной исторической ситуации – русский, немецкий, французский или литовский. Очевидно, во избежание путаницы в определении сущности многоязычия, необходимо исходить из того, что его минимальным условием является *способность* автора создавать произведения на нескольких языках, при этом порядок создания этих текстов не является обязательным условием. Основным здесь является лишь наличие текстов, написанных на разных языках, вне зависимости от того, когда и в какой последовательности они были созданы. Характер внутрисубъектного взаимодействия языка и мышления отличается значительной сложностью уже тогда, когда речь идет лишь о монолингвах. Если рассматривать вопросы, связанные с лингвистическим сознанием полиглотов, спектр и сложность проблем увеличивается. Здесь следует вспомнить о проблеме интерференции родного и других языков. Это одна из центральных проблем лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, методики и др. При изучении многоязычия неизменно возникает вопрос об интерференции. Термин «интерференция» был введен трудами ученых Пражского Лингвистического кружка. Однако более широкое применение это понятие получило после появления монографии У. Вайнрайха «Языковые контакты» (Weinreich 1957). Интерференция как процесс и результат процесса представляет собой нарушение носителем двуязычия и многоязычия правил соотнесения контактирующих языков, проявляющееся в его речи в отклонении от нормы.

В случае длительного использования полиглотом на ранних этапах своего творчества одного из языков данный язык приобретает в его сознании функцию лингвистической доминанты, а сознание многоязыч-

ного создателя текста будет тяготеть к лингвокультурной парадигме такого первичного языка. В рамках данного исследования мы не обращаемся к несовершенным или ошибочным речепроизведениям на вторичном языке. Наше понимание интерференции не связано с нарушением коммуникации в результате нарушения норм кода. Интерференция, в результате которой высказывание строится по модели первого языка без нарушения нормы вторичного языка, носит название *фацилитации* (от английского глагола *facilitate* – облегчать, помогать, способствовать (Степанов 2005: с621). Она представляет собой подвид интерференции, при котором речевая деятельность многоязычного автора полностью соответствуют правилам вторичной лингвистической системы. Литовско-русскую лексическую и синтаксическую интерференцию в трактате Карсавина необходимо рассматривать как фацилитацию, поскольку, несмотря на некоторое своеобразие словопорядка в предложениях, обусловленное влиянием первичного языка – русского, – структура языка трактата не противоречит нормам литовского языка. Таким образом, интерференция перемещается на более высокие уровни, в частности, те уровни языка, которые допускают вариативность и альтернативность решений в области структурной организации высказывания.

О переводе трактата Л. П. Карсавина «О совершенстве»

Л. П. Карсавин (1882–1952) русский религиозный философ, историк культуры, медиевист и знаток богословской классики занимал видное место и в русской культуре начала XX в., и в возрождающейся в 20–30 годы литовской научной жизни. Профессор Санкт-Петербургского университета Карсавин вынужденно покинул родину в 1922 году. После скитаний по Европе он получил приглашение преподавать в Литовском университете в Каунасе. Карсавин принял приглашение. В ноябре 1927 г. декан факультета Гуманитарных наук проф. В. Креве-Мицкевичус отправил ученому договор с условиями работы. Отдельный пункт договора и прилагаемое замечание были посвящены языку преподавания. Первые пять лет проф. Карсавин мог преподавать все, порученные ему предметы, и вести практические занятия на русском языке. Через пять лет со дня подписания договора проф. Карсавин должен был преподавать порученные ему курсы и вести практические занятия на литовском языке.

Как складывались отношения Карсавина с литовским языком? По указу Министра просвещения Литовской Республики время обучения языку было сокращено до трех лет. С первых же дней работы в университете Карсавин активно занимался языком и овладел им очень быстро. Через несколько недель после приезда в Каунас он начал общаться с коллегами на литовском языке. В осеннем семестре 1928 года свою первую лекцию профессор прочел на хорошем литовском языке. Через два года все лекции он читал только на литовском языке. Более того, научные труды он издавал на государственном языке. Вспоминая годы учебы в университете Витаутаса Великого, французский ученик семиотик А. Ю. Греймас заметил:

«Вторая великая фигура, которую я увез из Каунаса, это профессор Карсавин, лекции которого о средневековой философии часто слушали только два правоведа Это неважно, говорил Карсавин, – по средневековой традиции *«tres faciunt collegium»*. Его литовский язык был прекрасен: слушая его, я понял, что литовский язык может быть одновременно ясным и рафинированным, «культурным» (Greimas 1991: c20).

Свидетельство А. Ю. Греймаса очень важно. Как и культура Литвы начала XX века, литовский язык был открытой структурой. Он активно формировался и вбирал в себя научную терминологию, искал формы для выражения гуманитарной мысли. Лекции профессора Карсавина представляли собой трансляцию русской философской культуры, ее способов мышления, принципов организации текста в молодую литовскую науку. Такие процессы являются разновидностью перевода в семиотическом аспекте и могут быть названы сущностными и существенными при диалоге культур. Благодаря Карсавину в литовском языке и сегодня живут важнейшие философские понятия – всеединство (*visa ko vienovė*), первоединство (*pirmavienybė*), стяженное (*santrauka*), разъединение (*atsiskirimas*), воссоединение (*susijungimas*). Понятия, термины, идиомы европейской персонологии так же пришли в язык литовской философии из трудов Карсавина. В Литве он издал свои важнейшие труды на русском и литовском языках. «О личности», 1929, на рус. яз., «Поэма о смерти», 1931 г. на лит. яз., исследование «История культуры Европы» (*Europos kultūros istorija* 1931–1937, на лит. яз.). Вместе с тем создание Карсавиным оригинальных произведений на литовском языке можно считать своего рода «автопереводом», заключающимся в том, что рождающиеся в его сознании русскоязычные фрагменты текста как бы переводятся на литовский язык.

Вскоре после оккупации Литвы ему было запрещена преподавательская деятельность. 9 июля 1949 года Лев Платонович Карсавин арестован. Ученый получил десять лет лагерей. Он скончался 20 июля 1952 года в лагере в Абези.

Возникший интерес к наследию Л. П. Карсавина побудил автора настоящей статьи по собственной инициативе взяться за перевод трактата «О совершенстве», который был напечатан в журнале «Богословские науки» (Карсавин 2004). В целом перевод трактата можно определить как философскую и филологическую работу. Переводчик стремился максимально адекватно, близко к оригиналу передать мысль ученого. Было важно не только отразить смысл текста, но и уловить, интерпретировать способы и строй мышления автора. Буквальное прочтение метафор, распространенных выражений, терминов могло привести и к искажениям, и к казусам.

Многоязычие как основа мыследеятельности Л. П. Карсавина

Известно, что философская мысль Карсавина очень сложна. Вместе с тем анализ перевода трактата приводит к мысли о некой уникальной ситуации в переводческой практике. Трактат написан на литовском

языке, однако углубленное его прочтение позволяет увидеть, что мысль философа концептуализирует характерные для русского сознания философские семантические понятия. Велика вероятность того, что Карсавин именно «переводил» рождающиеся в его языковом сознании изначально русскоязычные произведения на литовский язык – с той лишь оговоркой, что невозможно видеть русский «оригинал» иначе как простоящим сквозь новую языковую оболочку. Карсавин мыслит по-русски и переводит, адаптирует, приспособливает философскую богословскую парадигму к вте годы еще недостаточно разработанному и мало готовому к подобному уровню мышления литовскому языку. Этому способствует и сходство синтаксических систем русского и литовского языков. Синтаксическая структура предложений в трактате Карсавина на литовском языке очень близка к синтаксической структуре соответствующих русских произведений философа. Здесь можно говорить об особенностях индивидуального многоязычия философа, т. е. наличия лингвистической доминанты русского языка и ее проекции на литовский. Это, в свою очередь, проявляется в изоморфности словопорядка предложения в литовских и русских произведениях. Углубленный анализ позволит различить в некоторых местах текста синтаксические структуры, характерные более для русского, нежели для литовского языка. Перевод трактата с литовского на русский язык похож на реконструкцию текста. Это пишет русскоязычный человек на рафинированном литературном литовском языке. Следует заметить, что двойственность сознания и связанной с ним лингвистической картины мира многоязычного индивида ведёт к тому, что его речевая деятельность, по крайней мере, на одном из языков неизбежно испытывает на себе влияние другого языка, в чем и состоит принципиальное различие между полиглотом и монолингвом. Лингвистическое двоемирие редко находится в состоянии полного равновесия, а значит, одна из лингвистических систем всегда превалирует над другой, диктуя ей в той или иной степени «правила поведения».

Трактат «О совершенстве» и его перевод с литовского на русский язык является научным и практическим подтверждением современных теоретических исследований в области многоязычия. Согласно Вайнрайху:

«При определенных социально-культурных условиях у двуязычных (многоязычных – А. К.) носителей происходит нечто вроде слияния словарных запасов двух языков в единый фонд лексических инноваций» (Вайнрайх 1972: с42).

Так, Карсавин использует понятия-символы – *tobulybė* (совершенство), *netobulybė* (несовершенство), *totpentai* (моменты), *Dieviškasis laimingumas* (Божественное благословение), *metapoeit* и др., соединяющие логическую полноту и интуитивную образность. Подобные понятия не были характерны для молодой литовской философской науки, формировавшейся в русле латинской традиции. Вероятно, осознавая возможные расхождения между логикой собственной мысли и изложением ее на литовском языке, Карсавин часто выступает собственным комментатором, как бы опережая другие комментарии и оставляя последнее

решающее слово за собой. Комментарии и уточнения в тексте философ приводит на древних и современных европейских языках. Наиболее часто Карсавин обращается к латинскому и греческому языкам. С. Хоружий, обозначая особое место Карсавина в истории развития европейской персонологии, объясняет формирование семантического поля философии личности в его наследии. Исследователь связывает эти идеи с грекоязычной персонологией (4 в.) и позже латиноязычной парадигмой. Он полагает, что латиноязычная парадигма была воспринята и русской философией. Языковое сознание Карсавина, видимо, и определяется сферой исследований (Хоружий 2008).

Особенно часто в тексте встречаются уточнения на латинском, реже – на греческом языках – различных, важных для контекста карсавинского трактата семантем. Метафоричность является основным признаком языка. Назначение конкретной метафоры – прийти к пониманию и согласию в том случае, когда буквальное объяснение невозможно. В подобных случаях явление интерференции в многоязычии дополняется так называемой языковой идентификацией, суть которой заключается в установлении определенной связи между аналогичными языковыми единицами в контактирующих языках. Можно предположить, что подобный семантический подход приемлем и для Карсавина. Вероятно, философ не сомневался, что его читатель, если трактат будет прочитан, знаком с латынью. Приведем некоторые примеры метафоризации текста через понятия и сентенции на древних языках. Так, в литовском тексте: *esu insipiens* (лат.); в русском переводе: я есмь *insipiens*; в литовском тексте: ... *viešai skelbt:* *ex nihilo nihil fit* (лат.); в русском переводе – ...*открыто заявить:* *ex nihilo nihil fit*; в литовском тексте ..*tai tikras testimonium paupertatis* (лат.); в русском – ...есть истинное *testimonium paupertatis*. Переводчик в сносках делал перевод на русский язык (*insipiens* – неразумный; *ex nihilo nihil fit* – из ничего ничто не возникает; *testimonium paupertatis* – свидетельство нищеты; *mesétoichon* – промежуточная стена, перегородка).

Некоторые философские и богословские понятия, впервые на литовском языке обозначающие философские и теологические вопросы, уточняются Карсавиным в тексте трактата в скобках на латыни – *priežybių sutapimas* (*concordia oppositorum*); в переводе – *совпадение противоположностей*; *tažiausias dydis* (*minimum*), в переводе – *самая малая величина*; *Dieviškasis laimingumas* (*beatitudo*), в переводе – *Божественное благословление* и др. Иногда максима на латинском языке приводится в литовском тексте Карсавиным без перевода:

attinatur inatingibile inattinibiliter (непостижимое постигается непостижением); *rara hora et parva mora!* (редкий час, краткая остановка!); *privatio boni* (лишение добра) и др.

В таких случаях переводчик прибегал к сноскам, в которых был перевод на русский язык. Однако подобные включения в литовский текст встречаются лишь несколько раз. Иногда Карсавин заменяет философское

определение на древнем языке более приемлемым и понятным возможному литовскому читателю – *pilnromu* (греч.) – словом *pilnatis* – *полнота* (Ср.: «Совершенство есть все, что есть, было и может быть, полнота» (*id, quo maius cogitari nequit*) (Карсавин 2004: с273). В литовском тексте он употребляет слово «*pilnatis*», что является прямым переводом греческого термина на литовский язык, но гностический смысл, благодаря контексту, от этого не исчезает. Можно предположить, что это осознанная замена. Литовский язык по своим конструкциям более близок к латинской традиции, знакомой возможному адресату. В подобных случаях характер интерференции, степень ее проявления и распространения зависят от различных факторов, в частности: от типа, вида многоязычия и от способа его формирования, от структуры и системы контактирующих языков.

Чтобы объяснить некие, особо важные для трактата концепты, Карсавин прибегает и к другим современным европейским языкам – немецкому, французскому. Так, основополагающее понятие трактата – «*tobulybė*» в литовском тексте уточняется в скобках – *perfectio, Vollkommenheit, совершенство*. Далее объясняется понятие несовершенства, и философ опять в скобках называет его на разных языках, используя уже уточненное литовское слово (*ne-tobulumas, не-совершенство, im-perfectio, Un-vollkommenheit*).

Из современных европейских языков философу особенно близок французский язык – в литовском тексте *teopatiška padėtis* уточняется по-французски *l'état theopatique* (Состояние Богохваченности); *dalyvavimo dėsnis* (*loi de la participation*) - закон участия, далее следует уточнение по-гречески *méthēxis* и по-русски – *со-причастие*; при объяснении времени – ссылка на М. Пруста, фамилия автора и название книги по-французски (*M. Proust. À la recherche du temps perdu* и *Le temps retrouvé*). Несколько раз философ прибегает к объяснениям и уточнениям на русском языке. Уточняются важные для целостного восприятия текста положения, термины, слова. Например, в литовском тексте приводятся в скобках на русском языке такие понятия – не-совершенство, совершенство, одумайтесь, опомнитесь. Уточняя понятие пантеизм, философ приводит по памяти, не совсем точно, стихотворение Ф. Тютчева «Тени сизые смесились...» на русском языке, поместив его в литовский текст.

Характерные для его философских текстов на русском языке понятия Карсавин адаптирует в литовском тексте к литовскому языку. Это явление в контексте творческого многоязычия можно определить как транспозицию в переводе. Французский лингвист Л. Теньер пишет об этом языковом механизме:

«Сущность трансляции (транспозиции) состоит в том, что она переводит полнозначные слова из одной грамматической категории в другую, т. е. превращает один класс слов в другой» (Теньер 1988: с378).

Роль и польза трансляции, по словам французского ученого, состоит в том, что она компенсирует категориальные различия. Она даёт возможность правильно

построить любое предложение, благодаря тому, что позволяет любой класс слов преобразовать в любой другой. Словарь Карсавина на протяжении творчества переживает значительную эволюцию в направлении усложнения. Перед философом стоит задача перевести на литовский язык и транслировать в литовскую философскую мысль необходимые для выражения его идей понятия – умопремена, обожение, быть-обожиться, усовершение, усовершаться, усовершение-несовершенство, качествование, дурная бесконечность. (Ср.: Определяя ценность и оригинальность труда Карсавина, Греймас (1991: с41) отметил модернизм мышления и актуальность проблематики размышлений о вечных философских вопросах: «он пользуется столь устаревшими понятиями, что его философия от этого выглядит почти модернистской».)

Так, понятие «умопремена» – одно из ключевых в философии Карсавина. Им мыслитель передает смысл греческого слова *metapoeît*, обычно на русский язык переводимого как покаяние. Это понятие есть в трудах «О личности», «Поэма о смерти». Карсавин в трактате призывает:

«Умопремена человека (*metápoíia*) – о ней говорил уже Иоанн Креститель: «*metápoéite, ibo* (!) приблизилось Царство Небесное», значит, «измените ваше мышление, направление вашего ума» (не – «покайтесь» как обычно переводят! Наверное, можно было бы переводить еще: «одумайтесь», «опомнитесь» (в литовском оригинале *po-russki – A. K.*), – есть только одно явление перемены, трансформации Человека, нового рождения из Бога во Христе» (Карсавин 2004: с295).

Философ полагает, что современность требует не только и не столько покаяния, но нового осознания христианской идеи – перемены ума. И значение собственного призыва он подчеркивает обращением в литовском тексте к греческому слову и уточнению понятия на русском языке. Уточнение на греческом и русском языках, развернутое объяснение понятия умопремена необходимо Карсавину, так как на литовском языке он использует семантически нейтральное без дополнительных конотаций слово *ptotausena* (мышление). Понятие *обожиться* (следует уточнение на русском языке – объединиться в Боге) переводится как *sudievinti*. Это глагол, употребляемый в тексте как причастие и деепричастие – *sudievejės* (*обожившийся, обожившись*), существительное – *sudievejimas* (*обожжение*). Созданное Карсавиным на литовском языке понятие и сегодня употребляется в богословских текстах. Термин *качествоование* переводится как *kokėjimas* искусственно по смысловому сходству созданным словом, которое не сохранилось в языке литовской философии. Понятия *усовершать, усовершение* переводятся литовским словом *tobulejimas* – совершенствование. В этом случае только контекст трактата привносит дополнительный философский и богословский смысл в семантически нейтральное литовское слово. Важное для Карсавина определение *бытия как дурной бесконечности* переводится им на литовский язык как *bloga nebaigiamybė*, т. е. плохая бесконечность. Подобные затруднения с переводом определяют нехарактерное для текстов Карсавина на родном языке многослойное,

многократное объяснение и уточнение уже известных по русским текстам понятий. Таким образом, становится очевидным источник всех трудностей, с которыми многоязычный мыслитель сталкивается в ходе создания трактата. Это, с одной стороны, разноплановые различия между языковыми системами, с другой – тесная связь между этими языковыми системами в сознании многоязычного автора. Он вынужден постоянно оглядываться на свое творчество, как своего рода «исходный текст», на основе которого создается перевод. Автор стремится преодолеть интерференцию высших уровней между языками, но в то же время не в силах преодолеть собственный стиль, формирование и закрепленность которого в русскоязычных текстах предопределяет манеру письма в тексте на литовском языке.

Выводы

Динамика бытия в философском наследии Карсавина на русском языке развернуто и свободно излагается от произведения к произведению. Философ никогда не относился в метафизике безлично и абстрактно. Отсутствие соответствующих понятий, терминов на литовском языке, стремление передать традиционные христианские идеи – ничто не преобразуется, не искажается, не отрицается – как высший опыт бытия делают трактат особенно насыщенным, наполненным напряжением мысли и поиска. Здесь возможно обратиться к мысли Лотмана, полагающего, что языки с разным уровнем переводимости, способствуют освоению культурных инноваций:

«...чем труднее и неадекватнее перевод одной непересекающейся части пространства на язык другой, тем более ценным в информационном и социальном отношениях становится факт этого парадоксального общения. Можно сказать, что перевод непереводимого оказывается носителем информации высокой ценности» (Лотман 1992: с15).

Профессор Карсавин владел древними – латинским, греческим – и современными европейскими языками – наряду с русским языком – литовским, итальянским, французским, немецким, английским. Сознание философа манипулирует различными аспектами познания мира, импульсами ассоциаций, внутренними формами слова. Связь с языком, вероятно, важна для мировидения Карсавина. Известно, что владение одним языком реализует априорные, предшествующие опыту знания о мире. В таком случае знание еще нескольких языков дает апостериорные понятия, формирующиеся на основании опыта. Это расширяет границы мысли. Вопрос о том, в какой степени были уравновешены два языка – русский и литовский – в языковом сознании Карсавина, может оставаться открытым, несмотря на то, что мыслитель говорил на многих языках одинаково свободно. Однако следует учитывать исторически достоверное явление: первоначально Карсавин реализовался как русский философ и религиозный мыслитель, и лишь после приезда в Литву в его творчестве открылся новый этап, связанный с освоением литературного литовского языка. В результате того, что русскоязычные

философские труды мыслителя предшествовали его литовскоязычному творчеству, его литовские труды отмечены влиянием многоязычия.

Литература

1. Вайнрайх, У. (1972) Одноязычие и многоязычие, *Новое в лингвистике*, Москва.
2. Weinreich, U. (1953) Languages in Contact, New York.
3. Greimas, A. (1991) Iš arti ir iš toli: literatūra, kultūra, grožis, Vilnius.
4. Карсавин, Л. (2004) О совершенстве. Перевод Асии Ковтун, Богословские труды. *Московская патриархия*, № 39.
5. Karsavin, L. (1991) Apie tobulybę, *Baltos lankos*, nr. 1, Vilnius.
6. Лотман, Ю. (1992) Культура и взрыв, Москва.
7. Степанов, С. (2005) Популярная психологическая энциклопедия, Москва.
8. Теньер, Л. (1988) Основы структурного синтаксиса, Москва.
9. Хоружий, С. (2008) Концепт личности у Л. П. Карсавина: идеальное и семантическое поле. [www.synergia-isa.ru/lib/download/lib/-SlovPersKars.doc].
10. Щерба, Л. (1974) Языковая система и речевая деятельность, Ленинград.

Asija Kovtun

Daugiakalbystė kaip L. Karsavino kalbinės sąmonės konstanta. Apie L. Karsavino traktato Apie tobulybę vertimą

Santrauka

Daugiakalbystė – tai daugiplanis reiškinys, kurį būtina tyrinėti kompleksiškai, analizuoti iš skirtingu požiūrio taškų. Globalizacijos sąlygomis daugiakalbystės tyrimai turi mokslinę reikšmę, smarkiai viršijančią struktūrinę tarpusavio sąveiką ir funkcionalų kalbų išsisluoksninavimą. Daugiakalbystė suprantama kaip kelių kalbų mokėjimas ir reguliarus perėjimas iš vienos kalbos į kitą, atsižvelgiant į situaciją.

Lietuvių kalba parašytame Karsavino traktate *Apie tobulybę* ir jo vertime į rusų kalbą leksing ir sintaksinę interferenciją reikia analizuoti kaip facilitaciją – tai yra interferencijos potipi. Facilitacijos dėka išsisakymas kuriamas pagal pirmosios kalbos modelį, nepažeidžiant antrosios kalbos normų. Klausimas, kokiu lygiu buvo sukurtą pusiausvyra tarp rusų ir lietuvių kalbų Karsavino kalbinėje sąmonėje, lieka atviras. Mąstytojas vienodai gerai kalbėjo rusiškai ir lietuviškai, bei vartojo dar keletą kalbų. Karsavinas buvo rusų filosofas ir religinis mąstytojas. Atvykus į Lietuvą jo kūryboje prasidėjo naujas laikotarpis, susietas su lietuvių literatūrinės kalbos tyrinėjimu. Traktato *Apie tobulybę* ir jo vertimo iš lietuvių į rusų kalbą analizė yra mokslinis ir praktinis daugiakalbystės srities šiuolaikinių tyrimų patvirtinimas.

Straipsnis įteiktas 2008 09
Parengtas spaudai 2008 10

Сведения об авторе

Асия Ковтун, д-р, доц., зав. Центром славистики им. Чеслава Милоша Университета Vytautas Magnus, доцент Кафедры литовской литературы Факультета гуманитарных наук Университета Vytautas Magnus.

Области научных интересов: перевод, история и теория литературы, культурология.

Адрес: Университет Vytautas Magnus, ул. Донелайчио 52, LT-44244 Каунас, Литва.

E-mail: A.Kovtun@hmf.vdu.lt

